

Гоудань, отдуваясь и спотыкаясь под тяжестью, упрямо тащил на плечах небольшой мешок с зерном. Отец едва поспевал за ним. Последние несколько дней мальчишка не давал покоя всей семье: кричал, топал ногами и требовал вернуть А-Сюаня. В конце концов, чтобы парень отвязался, ему сболтнули, будто Сюаня отдали в чужую семью на прокорм — выменяли на зерно.

Едва узнав, куда делся названный брат, Гоудань тут же прихватил из дома мешок и двинулся в путь — вызволять друга.

— Я же говорил, что теперь сам в доме хозяин, и ты согласился! — возмущался Гоудань, а грубая мешковина до крови натирала его загорелую шею. — Зачем тогда А-Сюаня на зерно выменяли? И даже мне ни слова не сказали!

— Сказали бы тебе, ты бы крик поднял, — ворчал в ответ Лао Сы. — Послушай отца, сынок: не место этому мальцу в нашем доме. Не прижился бы он у нас.

На самом деле А-Сюаня отдали даром, лишь бы забрали, но признаться в этом сыну Лао Сы не решался.

— И очень даже место! Мне виднее! — упрямо буркнул Гоудань.

Лао Сы только вздыхал. Сын за эти дни вымотал из него всю душу. Бить мальчишку у отца рука не поднималась, вот тот и вил из него веревки. Трудно быть отцом, когда у тебя такое упрямое чадо. Гоудань вцепился в этот мешок и ни в какую не отдавал его отцу. Лао Сы оставалось только покорно плестись следом, боясь, как бы парень не надорвался.

Отец уже сто раз пожалел о содеянном. Он знал, что сын сдружился с мальцом из семьи Ван, но никак не думал, что за пару дней они прикипят друг к другу настолько сильно.

«Эх, кабы я сам был побогаче да покрепче... Родись у Гоуданя родной брат, разве стал бы он так цепляться за этого приблудыша?»

Впрочем, по дороге Лао Сы успел заглянуть к местной знахарке. Та успокоила: мол, у них с сыном судьба двужильная, кремень-люди. Лао Сы подумал: «Была не была. Нас двое, мы живучие, неужто не сдюжим рядом с этим несчастливым малым?»

А-Сюань, спотыкаясь, брел вслед за своей новой «сестрой». Они продирались сквозь колючий кустарник и густую траву, выискивая съедобные коренья и дикую зелень, которую потом можно было засушить на зиму.

В этой семье детей было пруд пруди — пять или шесть девчонок разных возрастов. Ночью А-

Сюаня укладывали спать прямо посреди этой шумной оравы. Жили они впроголодь, и лишний рот для хозяйства был тяжелым бременем. По ночам девчонки исподтишка щипали его под одеялом. Сюань знал за что — они завидовали тому самому вареному яйцу, которое приемные родители утром очистили для него.

Сестры его невзлюбили. Сюань это прекрасно понимал, но староста деревни строго-настрого наказал ему: «Тебя взяли в приличный дом, будь благодарен, веди себя смирно. Вырастешь — станешь опорой приемному отцу с матерью, проводишь их в последний путь».

Здесь он был совсем один. Рядом не было Гоуданя — единственного человека, который относился к нему по-доброму. А Сюань даже дороги назад не знал. Несколько раз он пытался сбежать, но на развилках путался, и его быстро ловили. На щеке до сих пор был след от тяжелой ладони приемного отца.

Сюань тихонько шмыгнул носом и утер слезы грязным рукавом, продолжая срезать траву.

— Ну чего ты там возишься? — прикрикнула на него Четвертая сестра. — Живее шевелись, неженка! Думаешь, тебя тут за красивые глаза кормить будут?

Сюань промолчал, пониже опустив голову. Девчонка фыркнула:

— Немой он, что ли? Или дурачок?

Проходившая мимо соседская девчонка с любопытством уставилась на Сюаня:

— Это ваш новый братец?

Четвертая сестра гордо задрала нос:

— Ну, наш.

— Беленький такой, ладный. Говорят, от него родня отказалась, вот вам и сплывили.

— Если б наша мамка еще разродиться смогла, может, и братишка бы настоящий появился.

— А если родит, этого куда?

— Сплывим куда-нибудь, — безжалостно отрезала Четвертая сестра. — Зачем нам лишний рот? Хоть зерна за него вырчим. Не зря же он наш хлеб переводил.

Своих родных сестер в этой семье тоже не раз отдавали чужим людям — кого на воспитание, а

кого, поговаривали, и вовсе уносили в горы на съедение волкам. Так что к чужаку жалости девчонка не испытывала.

Однако Сюань старался не злить ее. Здесь некому было за него заступиться, а силой он тягаться со старшими девчонками не мог. Он только крепче сжимал в кулаке свое сокровище — Нефритовое кольцо лучника, висевшее на шее на крепкой пеньковой веревке, которую для него сплел Гоудань. Сюань очень берег его и никогда не снимал, боясь, что девчонки увидят и отберут.

Они вышли на рассвете, и лишь к полудню в глубокой горной котловине показались первые избы. Деревенька выглядела убого: серые, покосившиеся мазанки под соломенными крышами лепились друг к другу на каменистых склонах.

Жара стояла невыносимая. Воздух над иссушенной землей дрожал и плавился. В этой каменистой глуши вечно не хватало воды, и зной буквально ослеплял.

Гоудань совсем выбился из сил. Последнюю часть пути Лао Сы нес сына на закорках, прижимая к боку злополучный мешок. Отец и сын изнывали от жажды и голода, но упрямый мальчишка не затыкался ни на минуту. К горлу подкатила сушь.

— Пап, а в какой они избе? — прохрипел Гоудань, сползая со спины отца на пыльную землю под кривой раkitой.

Лао Сы только утер пот со лба. Он и сам не знал точного адреса. По счастью, жена их деревенского старосты была родом из этих мест. Рассудив, что лучше сначала расспросить ее родню, отец с сыном двинулись вглубь деревни. Это было разумно — без местного провожатого в чужом селе и говорить не станут.

Когда Лао Сы с шурином старосты подошли к нужной избе, Сюань как раз сидел во дворе и перебирал утреннюю добычу.

— А-Сюань! А-Сюань! Я за тобой! — звонкий, счастливый вопль раздался со стороны околицы.

Сюань замер. Он завертел головой, даже уши потер грязной ладошкой — решил, что от тоски ему уже чудится голос названного брата. Но в ту же секунду во двор ворвался загорелый, худой, как щепка, Гоудань с голой грудью. Он налетел вихрем, вцепился в плечи Сюаня и принялся скакать от радости.

— Гоудань-гэ... — прошептал Сюань, и огромные глаза его тут же наполнились слезами. — Братец... Что ж ты так долго?

— Я дело улаживал! — запыхавшись, крикнул Гоудань, оглядывая его с ног до головы. — Тебя тут не обижают? Не бьют?

Сюань замялся, неопределенно качнув головой, и Гоудань тут же вскипел.

— Ты еще кто такой? — Четвертая сестра бесцеремонно рванула Сюаня к себе за шиворот, так что тот едва не повалился на землю. — Чего пристал к нашему парню?

— Сама руку убери, замарашка! — взвился Гоудань. — А то схлопочешь!

— Это мой дом! — девчонка воинственно выпятила подбородок. — И он теперь наш! Не смей к нему соваться!

Гоудань не стал долго думать — бросился вперед и ловким подсеканием повалил девчонку в пыль. Но Четвертая сестра оказалась девкой хваткой: падая, она увлекла его за собой. На земле мгновенно закрутился ревущий клубок из рук, ног и летящей пыли.

Сюань метался вокруг них, не зная, как подступиться.

— Не надо! Перестаньте! — кричал он, но его никто не слушал. Четвертая сестра в запале умудрилась съездить Сюаню локтем по лицу.

Этого Сюань уже не стерпел. С криком он ринулся на подмогу брату. Из избы с визгом выскочила Пятая сестра и с ходу вцепилась Сюаню в волосы. Вчетвером они покатались по двору, поднимая тучи сухой грязи.

Поспевшие как раз вовремя Лао Сы и шурин старосты бросились растаскивать малолетних драчунов.

— Тьфу на вас! — отплевываясь от грязи и тяжело дыша, кричала Четвертая сестра, указывая пальцем на Сюаня. — Пригрели змею на груди! погоди, отец вернется, он тебе шкуру спустит за то, что на своих руку поднял!

— Тьфу на тебя сама, страхолюдина! — орал в ответ Гоудань, пытаясь вырваться из хватки отца. — Я тебе сейчас косы-то повыдергиваю!

— Тихо ты, егоза, — осадил сына Лао Сы, крепко прижимая его к себе. — Мы сюда по делу пришли, а не кулаками махать.

Сюань стоял рядом, бережно отряхивая Гоуданя от пыли. Он все еще сомневался — неужели Гоудань действительно пришел за ним? Или просто навестить?

— Гоудань-гэ, как ты меня нашел?

— Расспросил всех! Я ведь слово держал: купил жирной свинины, вытопил шкварки... Жаль, остыли уже, но дома еще знатно поедим! Я тебе и леденцов припас, сладких-пресладких, в кармане лежат!

У Сюаня заблестели глаза. Он никогда в жизни не пробовал настоящих конфет, но слышал, что слаще их нет ничего на свете.

Пока дети шептались о вкусах, взрослые перешли к делу. Проводник только растерянно переминался с ноги на ногу. Дело выходило щекотливое. Сначала его зять, староста деревни Сикань, просил пристроить сироту, а теперь вот эти явились забирать мальчишку обратно.

— Лао Сы, ну как так-то? — вполголоса заговорил он. — Сами же говорили, что кормить нечем, просили пристроить в хорошие руки. А теперь обратно требуете? Некрасиво получается перед людьми.

Лао Сы виновато вздохнул. Ему и самому было неловко, но упрямый взгляд сына, вцепившегося в Сюаня мертвой хваткой, не оставлял выбора.

— Знаю, братец, виноват, — пробормотал Лао Сы, ковыряя носком каменистую землю. — Оплошали мы, не подумали как следует. Но видишь — парень мой без друга чахнет, извелся весь. Мы за эти дни, что Сюань у них прожил, готовы зерном компенсировать. Всё до последнего зернышка отдадим, только пускай мальчишку вернут.

<http://bllate.org/book/19654/1986462>